

В комнате на мгновение воцарилось молчание.

«Ты не должна была давать мой номер телефона другому человеку», – сказал Шинго. «Хотя я полагаю, что никогда не говорил этого прямо, ты должна была догадаться».

Чиаки молчала.

«Я не против того, чтобы ты заводила парня, но я определённо не признаю его твоим парнем так легко», – продолжил Шинго тем же тоном. «Более восьмидесяти процентов отношений в старшей школе заканчивается разрывом. Ты можешь думать, что ваши чувства друг к другу сохраняются на всю жизнь, но на самом деле эти чувства довольно хрупкие, как чашка из льда. Она мгновенно сломается, если уронить её. И даже если не ронять её, она со временем растает. Чем больше чувств ты вкладываешь в свои отношения, тем больше ты будешь сожалеть об этом, когда вы расстанетесь. Ты должна понимать эту логику. Не погружайся с головой в эти игры юности. Иначе, в конце концов, тебе будет больше всех».

«...Ты абсолютно прав, папа», – ответила Чиаки таким же лёгким тоном. «Но я уже погружена в эту игру юности. Я хочу играть с ним в эту игру всю свою жизнь. Даже если я не смогу добиться успеха, даже если я в конце концов пожалею и буду чувствовать боль... Я всё равно буду думать, что это того стоило».

«Это ты сейчас так думаешь». Шинго посмотрел на свою дочь. «Твой образ мышления определённо изменится в будущем».

«Возможно... Но я не забуду», – Чиаки также посмотрела на своего отца.

Знаменитый художник внимательно посмотрел на лицо своей дочери.

«Ты забудешь», – после продолжительного молчания он отвёл взгляд и произнёс холодным и отстранённым тоном.

В этот момент прибыл официант с их заказами.

Еда выглядела изысканно и подавалась на фарфоровых тарелках самого высокого качества. Красота еды была как произведение искусства.

Мало того, что еда была красивой, вкус также был замечательным. Но в тот момент Чиаки скучала по обычной еде, которую она каждый день ела у Сейдзи.

В это время Сейдзи и остальные также ужинали в его квартире.

Вместо красивой еды перед ней Чиаки предпочла бы быть в той квартире и вместе с ними есть обычную еду.

Сейдзи откусил кусок булки с мясом.

Он купил эту булку в магазине. Она была тёплой и сытной, с приятным вкусом.

Почему он ел мясную булку? Это потому, что в тот момент он был на улице, а не в своей квартире. Он ждал рядом с рестораном, где Чиаки встречалась со своим отцом.

Хотя он уважал желание Чиаки и не шпионил за её встречей с отцом, он никогда ничего не говорил о том, чтобы ждать её дома.

У него также была возможность войти в этот ресторан высокого класса и поесть там, так как теперь он был довольно богат. Но Сейдзи предпочёл вернуться домой и насладиться ужином Шики, так как сегодня была её очередь готовить. Так что он купил всего одну булку с мясом, чтобы заморить червячка, пока он не вернётся домой.

В этот момент что-то приблизилось к нему. Сейдзи обернулся и увидел серую собаку.

По выражению собаки было ясно, что она хотела булку с мясом, которую ел Сейдзи.

Обменившись с ним взглядом, Сейдзи оторвал кусок булки и бросил его собаке.

Серая собака опустила голову и быстро съела кусок. Затем она снова посмотрела на Сейдзи.

Сейдзи доел остаток своей булки и раскрыл руки, показывая, что еды больше не осталось.

Серая собака моргнула и разочарованно ушла.

Сейдзи оставался на месте и ждал.

После основного блюда был десерт, а после десерта было чаепитие как окончание этого вкуснейшего ужина.

Чиаки вдохнула приятный аромат своего чая и медленно отпила его, ощутив его горечь и сладкое послевкусие.

«Папа... я хочу знать...».

«Нечего говорить о твоей матери», – сказал Шинго лёгким тоном, не дав своей дочери договорить. «Не нужно думать об этом».

«Почему?», – спросила Чиаки.

«Потому что в этом нет смысла». Что-то мелькнуло в глазах Шинго. «Для тебя нет резона знать о ком-то, кого больше здесь нет».

«В таком случае вся история бессмысленна. Почему бы школам не прекратить преподавать историю?», – холодно ответила Чиаки.

Конечно, никто не отменил бы урок истории. Чиаки просто была саркастичной.

«Она не является частью истории, поскольку она не известная или важная фигура. Она просто женщина, исчезновение которой ни на что в мире не повлияет», – заявил Шинго. «То, что вы изучаете на уроках истории в школе, похоже на известную живопись. История имеет большое значение для человечества и мира. Но проблема с твоей матерью похожа на каракули ребёнка. Они считаются бесполезными для мира и должны исчезнуть. Раньше ты никогда не задумывалась об этом. И это прекрасно. Просто продолжай не думать...».

«Я не могу не думать!!!», – внезапно закричала Чиаки во всё горло.

Гнев, печаль, ненависть, беспомощность и другие эмоции можно было увидеть на её лице. У неё было невероятно сложное выражение.

«Как я могу не думать об этом! Это моя мама!! Но ты всегда отказываешься говорить мне что-нибудь о ней... Я ничего о ней не знаю, кроме некоторых картин, на которых не видно её лица! Я хочу знать, но я никогда ничего не узнаю, даже если я спрошу тебя, поэтому я могу только заставить себя не думать об этом. Но это не значит, что мне на самом деле всё равно!!!» – в этот момент крик Чиаки смешался с её плачем. «Я хочу знать имя моей мамы, я хочу знать, каким человеком она была, я хочу знать, жива ли она ещё или нет, и где она находится, если она жива, или где её могила, если она мертва, и что она оставила после себя... Даже если все эти вещи ничего не значат для мира, они самые ценные вещи для меня! Потому что я её дочь!!».

Глаза Шинго слегка расширились, когда он столкнулся с внезапным всплеском эмоций дочери. Было очевидно, что это повлияло на него.

Слезы начали катиться по щекам Чиаки.

«Прости, папа... Ты всегда давал мне всё остальное, что я хотела, растя меня всё это время. Я действительно благодарна... Но... это не нормально... Я хочу знать... что мама значила для тебя... Я также хочу знать... Что твоя дочь... значит для тебя...».

Слёзы Чиаки стекали в её чашку.

Шинго опустил взгляд и посмотрел на свою чашку. Он молчал довольно долго.

После того, как Чиаки успокоилась, она достала платок и вытерла слёзы.

В тот момент ей очень хотелось, чтобы Сейдзи был рядом с ней.

Она почувствовала бы тепло, даже если бы всего лишь взяла его за руку.

Должна ли Чиаки была отправить сигнал, чтобы он пришёл?

Если она достанет свой мобильный телефон и позвонит или напишет ему, он сразу же бросится!

Она была уверена, что Сейдзи прибудет очень быстро... если он увидит её такой, он немедленно попытается ударить её отца?

Чиаки внезапно захотелось громко рассмеяться, вспомнив свой предыдущий разговор с Сейдзи, когда он притворился хулиганом.

Одни только мысли об этом придали ей смелости.

Она решила не торопить события и воздержаться от вызова своего парня-хулигана. В противном случае было бы очень трудно наладить её отношения с отцом, если бы Сейдзи сломал одну из костей отца.

Пока Чиаки размышляла над этим, её знаменитый отец-художник снова медленно поднял глаза и посмотрел на неё.

«Сон...».

Он всё ещё говорил тем же лёгким тоном.

Тем не менее, его тон казался наполненным эмоциями больше, чем раньше.

Чиаки пришла в себя и снова посмотрела на отца. Она увидела, что под его очками в чёрной оправе появилось выражение, которого она никогда раньше не видела. Выражение его лица казалось грустным, беспомощным и меланхоличным...

«Для меня твоя мама была сном. Я помню некоторые воспоминания о ней, но я не могу вспомнить её имя или лицо... Мне кажется, что воспоминания о ней важны... но они могут быть просто моими галлюцинациями... потому что ни один знакомый мне человек не знает о ней... Особенно ты, Чиаки. В моих "воспоминаниях" она была вместе с тобой, заботилась о тебе, баловала и воспитывала тебя... Ты должна знать её лучше всех. Но, как ты только что сказала, ты ничего о ней не знаешь...».

Шинго посмотрел Чиаки прямо в глаза.

«Вот почему... она была всего лишь сном».

<http://tl.rulate.ru/book/6436/505417>